

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Научная статья

УДК 343.8(476)“311”

doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).1.036-044

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XVIII ВЕКЕ

Виталий Евгеньевич Бурый¹

¹ Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, byruivit@yandex.ru

Аннотация. В статье систематизированно рассматривается развитие института отбывания наказания в виде лишения свободы на территории белорусских земель в XVIII веке. В силу того что белорусские земли этого периода входили в состав как Речи Посполитой, так и Российской империи, отмечается влияние двух правовых систем этих государств на развитие данного института. Акцентируется внимание на том, что основными нормативными правовыми актами, регулирующими в тот период развитие института отбывания наказания в виде лишения свободы на территории белорусских земель, следует признать статут Великого княжества Литовского, Русского и Жеймотского от 1588 года, Соборное уложение от 1649 года, Артикул воинский 1715 года и манифест «Учреждения для управления губерниями» от 7 ноября 1775 года. Расширение влияния российского права, в том числе уголовного (и входящего в его состав уголовно-исполнительного права), на территории белорусских земель происходило по правилу «мягкого влияния», закрепленного в различных указах и грамотах российских правителей. Сделан вывод о том, что институт отбывания наказания в виде лишения свободы на белорусских территориях стал активно развиваться как в правовом, так и в организационном плане только под влиянием более систематизированного российского уголовного права в последней четверти XVIII века в связи с тремя разделами Речи Посполитой и присоединением к Российской империи с 1795 года всех белорусских земель.

Ключевые слова: белорусские земли, наказание, лишение свободы, тюрьма, уголовное право, Речь Посполитая, Соборное уложение, Артикул воинский, Российская империя

Для цитирования

Бурый В. Е. Развитие института отбывания наказания в виде лишения свободы на территории белорусских земель в XVIII веке // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4), № 1. С. 36–44. DOI: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).1.036-044.

© Бурый В. Е., 2023

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ABROAD

Original article

THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT ON THE TERRITORY OF THE BELARUSIAN LANDS IN THE XVIII CENTURY

Vitalij Evgen'evich Buryj¹

¹ Scientific and Practical Center for Strengthening the Rule of Law and the Rule of Law of the Prosecutor General's Office of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, byruivit@yandex.ru

Abstract. The article systematically examines the development of the institution of serving a sentence of imprisonment on the territory of the Belarusian lands in the XVIII century. Due to the fact that the Belarusian lands of this period were part of both the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian Empire, the influence of the two legal systems of these states on the development of this institution is noted. The attention is focused on the fact that the main normative legal acts regulating the development of the institution of serving a sentence of imprisonment on the territory of the Belarusian lands at that time should be recognized as the statute of the Grand Duchy of Lithuania, Russian and Zheimot of 1588, the Cathedral Code of 1649, the Military Article of 1715 and the manifesto "Institutions for the administration of provinces" dated November 7, 1775. Expanding the influence of Russian law, including criminal law (and its constituent penal enforcement rights), on the territory of the Belarusian lands occurred according to the rule of "soft influence", enshrined in various decrees and charters of the Russian rulers. It is concluded that the institution of serving a sentence in the form of imprisonment in the Belarusian territories began to develop actively both legally and organizationally only under the influence of a more systematic Russian criminal law in the last quarter of the XVIII century, in connection with the three sections of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the annexation of all Belarusian lands to the Russian Empire since 1795.

Keywords: belarusian lands, punishment, imprisonment, prison, criminal law, Polish-Lithuanian Commonwealth, cathedral code, military article, Russian Empire

For citation

Buryj, V. E. 2023, 'The development of the institution of serving a sentence of imprisonment on the territory of the Belarusian lands in the XVIII century', *Man: crime and punishment*, vol. 31(1–4), iss. 1, pp. 36–44, doi: 10.33463/2687-1238.2023.31(1-4). 1.036-044.

Введение

Федеральное объединение Великого княжества Литовского, Русского и Жеймотского (ВКЛ) и Королевства Польского в Речь Посполитую в результате подписания 1 июля 1569 г. Люблинской унии объединило не только территории этих двух государств, но и их правовые системы. Юрисдикция артикулов статута ВКЛ от 1588 г. распространи-

лась и на территорию Королевства Польского. Впоследствии, несмотря на развитие и расширение влияния и территории этого государственного объединения в XVI–XVII вв. и затем, начиная со второй половины XVII в., вступление его в затяжные военные конфликты с Россией, Швецией и Турцией, в результате которых Речь Посполитая постепенно теряла и свою территорию, и устойчивость жизнеспособности государства, в том числе на фоне вспыхивающих внутри государства волнений народных масс (Могилевское восстание в 1661 г., Кричевский крестьянский бунт в 1743–1744 гг., восстание Тадеуша Костюшко в 1794 г. и пр.), а также других внутrigосударственных религиозных, экономических и национально-культурных не решенных правящей элитой проблем, привело к значительному внешнему и внутреннему ослаблению страны и разделу ее территории между Россией, Австрией и Пруссией в 1772, 1793 и 1795 гг. После последнего раздела Речи Посполитой в 1795 г. территория современной Беларуси полностью вошла в состав Российской империи.

Первыми белорусскими территориями, вошедшими в состав России в этот период, стали западные территории современных Витебской, Могилевской и Гомельской областей, которые были присоединены по результатам Русско-польской войны 1645–1667 гг. в соответствии с заключенными Андрусовским перемирием от 1667 г. и Вечным миром от 1686 г. В результате присоединения на этих территориях распространилось российское право, в том числе в уголовной сфере, которое напрямую повлияло на продолжение развития на белорусских землях института отбывания наказания в виде лишения свободы (по мере продвижения российских границ на запад через белорусские земли эти территории к концу XVIII в. получили название Северо-Западного края России).

Одновременно со статутом ВКЛ от 1588 г. значимым нормативным правовым актом, который на территории присоединенных белорусских земель стал регулировать (помимо Соборного уложения 1649 г.) в XVIII в. дальнейшее развитие института отбывания наказания в виде лишения свободы, следует признать российский Артикул воинский от 1715 г. Эти три основных источника уголовного права, регулировавшие развитие изучаемого белорусского пенитенциарного института, действовали на территории наших земель до 1 января 1835 г. (дата вступления в силу Свода законов Российской империи). Следует отметить, что официально на всех белорусских территориях действие статута ВКЛ от 1588 г. было отменено только с 25 июня 1840 г. отдельным указом российского императора Николая I (статут действовал 252 года).

Основная часть

Весь XVIII в. можно охарактеризовать как период становления и укрепления на территории всей России (на белорусских территориях – Северо-Западном крае России) абсолютизма. Это было время серьезных социально-политических изменений в развитии российского и белорусского общества, с одной стороны – расширение территории Российского государства посредством успешных войн и искусной дипломатии, с другой стороны – падение и прекращение существования с 1795 г. Речи Посполитой (в результате трех разделов ее территории).

Как следствие, влияние на территории белорусских земель правовой системы Речи Посполитой постепенно уходило, вытесняясь российским правом, в том числе и уголовным (в состав которого, пока нераздельно, входило уголовно-исполнительное право). Вместе с тем необходимо констатировать тот факт, что вплоть до 1795 г. (то есть до последнего раздела Речи Посполитой) местными белорусскими властями не только принимались новые правовые акты (регулирующие общественные отношения в сфере

исполнения наказания в виде лишения свободы), но и исполнялись предыдущие (например, постановления Варшавского сейма о привлечении к уголовной ответственности и установлении наказаний за преступления различных категорий от 1659, 1678, 1726, 1764 гг., использовалась практика привлечения к уголовной ответственности и назначения наказаний Главным трибуналом Речи Посполитой, местными белорусскими городскими и третейскими судами и т. д.

Фактически имело место действие на наших землях двух уголовно-правовых систем – белорусской и российской. Однако если на местном (уездном, староством) уровне преобладало влияние уголовных правовых актов Речи Посполитой, то при решении общегосударственных, а также значимых региональных (уровня губерний, воеводств) вопросов доминировало российское уголовное право (например, апелляции по решениям уездных белорусских судов по уголовным делам передавались в высшие судебные инстанции, учрежденные уже по общероссийскому образцу).

На белорусских территориях по умолчанию действовало правило «мягкого влияния» российского права, подтверждающееся: а) официальной позицией российских правителей в различных указах и грамотах, в которых подчеркивалось то, что на белорусских землях «суд и расправа внутренние тех провинций в личных делах имеет производиться по тамошним правам и обычаям и их языком», чтобы не посягать на издавна установившиеся здесь обычаи (нормы, правила) жизни и не вызывать народных недовольства и волнений; б) многочисленными правовыми актами, по-прежнему издававшимися в этот период правящей элитой Речи Посполитой (решения Главного трибунала и местных судов, постановления Варшавского сейма и др.).

К актам, регулировавшим на местном уровне (в уездах, старостах) общественные отношения, связанные в том числе с уголовным наказанием в виде лишения свободы в XVIII в. на территории белорусских земель, например, относятся: запись в актовой книге Полоцкого городского суда об иске невелицкого настоятеля Давгина к землянину Полоцкого воеводства Бобятынскому о возмещении убытков, причиненных им юридичанину истца Киселю насильственным захватом его товаров (от 25 января 1717 г.; с указанием о заключении виновного в частную тюрьму); решение третейского суда по жалобе родственников Юзефа Зенковича на войта, магистрат и мещан Могилева с обвинением их в убийстве Юзефа Зенковича и захвате принадлежавших ему владений в городе (от 20 октября 1739 г.); постановление Варшавского конвокационного сейма о привлечении воеводами, городскими старостами и маршалами поветов к суду лиц, совершавших нападения на шляхту и ее дома, и осуждении таких лиц (1764 г.); жалоба Минской еврейской общины в Главный литовский скарбовый трибунал (а не в судебную инстанцию Российской империи) о незаконном присвоении катальным старшиной доходов и насилиях над еврейским населением (от 31 октября 1782 г.) и пр.

На присоединявшихся постепенно к России белорусских землях перестраивалась и упорядочивалась организация работы местных судебных органов по российскому образцу. Например, в белорусских губерниях дела по разбору вотчинных и других имущественных вопросов, а также дела о противозаконных продажах, закладах, завещаниях, бывшие прежде в ведении земских и подкоморских судов Речи Посполитой, передавались вновь учрежденным по российскому образцу провинциальным и губернским земским судам, избиравшимся из среды местного дворянства (шляхты) в том же порядке, как во всей империи. Уголовные правоотношения (и, как следствие, уголовно-исполнительные) стали регулироваться также положениями Артикула воинского 1715 г.

Следует отметить, что до последней четверти XVIII в. на белорусских территориях (в составе как Речи Посполитой, так и Российской империи) каких-то значительных концептуально-реорганизационных изменений института отбывания наказания в виде лишения свободы не происходит.

Как и в статуте ВКЛ от 1588 г., Соборном уложении 1649 г., так и в Артикуле воинском 1715 г. на белорусских землях цели тюремного заключения в виде лишения свободы оставались теми же – не только изоляция преступника от общества, но и предупреждение совершения им нового преступления (общая и частная превенции). Наказание в виде лишения свободы на территории белорусских земель в составе России реализовывалось посредством отбывания наказания в тюрьме или ссылке на каторгу (пожизненно или на определенный срок). Вместе с тем следует отметить, что удельный вес назначения и отбывания преступниками наказания в виде лишения свободы с отбыванием наказания в тюрьме по сравнению со смертной казнью и различными телесными наказаниями оставался незначительным [1, с. 10].

С территориальным разделением России на губернии управление тюрьмами на местах перешло к губернаторам (ранее управляли губные старосты и воеводы), а смотрители тюрем из полицейских чинов заменили в местах лишения свободы местную охрану – ценовальников и сторожей. Как следствие, к концу XVIII в. во всех белорусских местах лишения свободы (тюрьмы, остроги, замки, вежи, крепости) уже имелась более-менее постоянная команда надзирателей за осужденными, назначаемая губернской властью, а не избираемая из числа гражданских лиц, пользующихся уважением и доверием местного населения (архивные документы того периода свидетельствуют о том, что в конце XVIII – первой половине XIX в., учитывая тот факт, что тюремная служба на белорусских и российских землях была низкооплачиваемой, социально незащищенной, непрестижной в обществе, в руководство и охрану мест лишения свободы набирались и назначались, как правило, не только нижние полицейские чины, но и инвалиды из числа отставных военных) [2, с. 136–137].

Порядок и условия отбывания наказания осужденных в местах лишения свободы оставались по сути теми же. Основная цель охраны и надзора за преступниками была прежняя – не допустить побега осужденных из тюрем, превентивно применяя для этого различные специальные приспособления, ограничивающие действия осужденных (рогатки, стулья, цепи, кандалы и т. д.). Указанные специальные приспособления фактически использовались в местах заключения вплоть до 1917 г. (к отдельным особо опасным преступникам), несмотря на то что в 1828 г. официально были отменены на всей территории России.

Только в последней четверти XVIII в. (в период присоединения всех белорусских территорий к России) в действующую российскую тюремную систему были внесены три нововведения: а) переоборудование в места лишения свободы Петропавловской и Шлисельбургской крепостей (для содержания политических противников самодержавия); б) строительство Динамюндской, Ревельской и Кексгольской крепостей как тюремных учреждений; в) появление в 1775 г. новых видов принудительно-воспитательных учреждений, связанных с лишением или ограничением свободы, – работных и смиренных домов. В этот период Екатерина II (правила Россией с 1762 по 1796 год) обратила свое внимание на плачевное состояние тюрем на территории страны, попытавшись сделать ряд шагов для развития как пенитенциарной системы в целом, так и мест лишения свободы в частности. Было несколько упорядочено тюремное законодательство, введены

новые виды мест лишения свободы, старые и ветхие тюрьмы медленно, но заменялись за государственный счет на новые здания и сооружения (как правило, каменные), уточнен размер жалования руководству и охранникам и пр. (императрица собственноручно подготовила в 1787 г. проект тюремного устава, более-менее комплексно на тот период позволявший систематизировать работу мест лишения свободы, но, к сожалению не реализованный на практике).

Работные и смирительные дома введены положениями ст. 390, 391 Учреждения для управления губерниями от 7 ноября 1775 г. (далее – Акт об управлении губерниями). Данный нормативный акт стал импульсом для начала некоторых пенитенциарных преобразований. В нем основными законодательно закрепленными целями создания и деятельности новых на всей территории России пенитенциарных учреждений становятся: для работных домов – «дабы работой доставить прокормление неимущим»; для смирительных домов – исправление лиц, нарушающих общественный порядок, посредством труда, строгого соблюдения правил «добронравия и благочиния», смирения, воздержания от «зловредныхъ и непотребныхъ» привычек, воспитания умеренности в желаниях и послушания надзирателям.

В ст. 392, 393 Акта об управлении губерниями были закреплены положения о том, что работные и смирительные дома, при возникновении в том необходимости, можно создавать по всей территории страны «частному человеку, или какому обществу, или городу, или селению», при согласовании с местным приказом общественного призрения (собирался один раз в году).

При похожих целях создания, порядке и условиях содержания в этих учреждениях исправляющихся лиц имелись и различия в их деятельности. Так, если в работном доме (который не являлся местом лишения свободы) содержались в основном неимущие лица, убогие и бродяги, добровольно пришедшие «под крышу» этого учреждения, которые ежедневно обязаны были работать либо на территории дома, либо вне его стен («...каменья пилить, приготовить лен, прясть» и т. п.) и по мере результатов ежедневной работы которым предоставлялись администрацией дома питание, кров, одежда или денежные средства, то смирительный дом представлял собой место лишения свободы для ресоциализации целенаправленно водворенных в это учреждение лиц.

Лишение свободы для лиц, направленных отбывать наказание в смирительный дом как по приговору суда, так и по иным основаниям, могло быть срочным (срок определялся судом, правлением, приказом) и бессрочным («навсегда»). Категория изолированных лиц – это люди, которые обществу «наносят стыд и зазор», ведут «непотребный и невоздержанный образъ жития», «добронравие и благочиние повреждающие», «превращающие доброе установление во зловредное», «рабы ленивые и гуляки», граждане, занимающиеся проституцией, «расточающие свое имение», «долги накопляющие вдвое против имения» и др.

Порядок и условия содержания изолированных от общества лиц в смирительных домах были следующие: каждого прибывшего записывали в регистрационной книге дома (время и дата прибытия; фамилия, имя, отчество; пол; возраст); полная изоляция от общества («ни подь какимъ видомъ не выпускаемы были», «чтобъ утечки из онаго дома отнюдь никто учинить не мог»); раздельное содержание мужчин от женщин; ежедневный труд, чтобы «праздны не были»; питание и одежда «безъ излишества, простая».

В Акте об управлении губерниями конкретно не указывается на порядок организации воспитательной работы, но указание в ст. 391 на воспитание «в людях» правил

добронравия, ограждая их «от многих про дерзостей добронравие повреждающих», подразумевает проведение администрацией учреждения или посещающими дом лицами некоторых мероприятий воспитательного характера (например, собеседований). К мероприятиям режимного и воспитательного характера следует отнести и применение системы мер дисциплинарного воздействия к нарушителям требований порядка и условий отбывания наказания в смирительном доме. Так, «роптивныхъ и непослушныхъ» лиц разрешалось надзирателям наказывать прутьями, но «не более трехъ ударовъ за один проступок», или «сажать на хлебъ и воду на три дни». К самым серьезным дисциплинарным взысканиям относилось водворение в «темную тюрьму... на неделю», помещение которой находилось в подвале дома (ниже уровня земли, без освещения). Под светлой тюрьмой подразумевался сам смирительный дом (его помещения выше уровня земли).

Впервые законодательно закрепляется в общих чертах организация администрацией смирительного дома медицинского сопровождения осужденных лиц – «большимъ же из нихъ стараются излечениемъ возвратить здоровье». Материально-бытовое обеспечение исправляющихся лиц принадлежало их родным и близким – «сами родители, родственники, помещики и хозяева должны снабждать содержаниемъ, без чего домъ ихъ не принимаетъ, или принятыхъ освобождаетъ». Последнее правило об освобождении принятых в дом, судя по всему, не распространялось на лиц, направленных в это учреждение по приговору суда, а распространялось на лиц, направленных «по повелению наместническаго правления», «по прошению в приказе общественного призрения отцов, матерей или трех родственников» или по требованию помещика или хозяина «с прописанием причины ссылки в дом».

В положениях Акта об управлении губерниями структура и оборудование работных и смирительных домов в целом были одинаковыми с наличием необходимых для жизнедеятельности построек на внутренней (режимной) территории этих учреждений: наличие основного ограждения дома («кругомъ крепку со стеною, или... заборомъ») и общежитий для проживания исправляемых лиц, которые должны быть «...довольно пространну, построены на вольномъ воздухе» (для отдельного и удобного проживания мужчин и женщин), в том числе и иные «...нужныя для дома строеніяи бани». В связи с тем что внутри домов организовывались различные виды работ труда для содержащихся в них лиц, на внутренней территории этих учреждений были рабочие мастерские и территория домов разделялась на жилую и рабочую (трудоу) части (современные исправительные колонии в Республике Беларусь имеют такую же структуру – жилую и производственную зоны).

Законодатель достаточно четко закрепляет требования к моральному и профессиональному облику надзирателей как работных, так и смирительных домов. Кандидаты на должности надзирателей и в караул (охрану) в этих исправительно-трудоу (принудительно-воспитательных) учреждениях должны были не иметь «излишествъ» и соответствовать таким характеристикам, как пристойность, исправность (исполнительность), добросовестность и порядочность. Рекомендовалось руководству губернии (уезда, города) и учреждения набирать надзирателей и охранников из числа отставных солдат «добропорядочного состоянія» и «исправных людей».

Контролировал соблюдение порядка и условий содержания лиц в этих исправительно-воспитательных домах местный приказ общественного призрения (начиная с времен правления Россией Екатерины II в каждом городе страны приказ общественного призрения занимался организацией и управлением, а также контролем за работой народных школ, МЛС, госпиталей, больниц, приютов для сирот, больных и умалишенных, бога-

делен). Кроме того, начиная с 1776 г. губернским прокурорам вменялось в обязанность еженедельно посещать по пятницам места лишения свободы [3, с. 308].

После присоединения всей территории современной Беларуси к России с 1795 г. нагрузка и усилия царской власти и силовых ведомств в укреплении общественной безопасности и правопорядка в местах лишения свободы значительно возросли. Тюремь становятся для правящей элиты не только средством борьбы с периодически вспыхивающими восстаниями населения страны (в том числе на белорусских землях), но и местами для изоляции от общества политических врагов действующей власти (противников раздела Речи Посполитой и присоединения белорусских земель к России). Как следствие, в конце XVIII – первой половине XIX в. в России строятся такие каменные тюрьмы-крепости, как Петропавловская, Шлиссербургская и пр. [4, с. 30].

На территории белорусских земель в этот период также строится (оборудуется) ряд тюрем и, как свидетельствуют архивные источники, с достаточно жестким порядком и условиями отбывания наказания в виде лишения свободы. Так, в г. Бобруйске в 1836 г. введена в действие крепость (строилась более 25 лет), выполнявшая как военно-оборонительные, так и тюремные функции (часть этой крепости, «башня Оппермана», до сих пор востребована как пенитенциарное учреждение, в котором размещен следственный изолятор № 5 управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по Могилевской области; в 1825 г. в этой тюрьме отбывали наказание в виде лишения свободы 16 декабристов, участвовавших в восстании на Сенатской площади в Санкт-Петербурге) [5, с. 29–30]. По указу российского императора Александра I в г. Гродно в 1820 г. иезуитский коллегиум (представлял собой компактную крепость-замок) передается под переобустройство в тюрьму, которая действует и в настоящее время (тюрьма № 1 управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по Гродненской области). По указу российского императора Николая I в 1833 г. в г. Бресте также начали строить крепость, в территорию которой включили построенный еще в 1751 г. монастырь ордена Бригиток (переоборудовав сначала его под казармы дисциплинарного батальона, а затем – в тюрьму, где, например, отбывали наказание в виде лишения свободы мятежники, организовавшие восстание в 1863 г. в царстве Польском, входящем тогда в состав России), здание которого во второй половине XIX в. было переоборудовано под пересыльную тюрьму.

Заключение

Подводя итог изложенному, сделаем следующие выводы.

1. Дальнейшему развитию института отбывания наказания в виде лишения свободы на территории белорусских земель в XVIII в. способствовало одновременное влияние правовых систем двух государств – Речи Посполитой и Российской империи.

2. Расширение влияния российского права, в том числе уголовного (и входящего в его состав уголовно-исполнительного права), на территории белорусских земель происходило по правилу «мягкого влияния», закрепленного в различных указах и грамотах российских правителей, особенностью которого в итоге стало действие российской правовой системы на уровне белорусских губерний (воеводств) и выше, а действие правовой системы Речи Посполитой – на уровне местных (уездных) законов, обычаев и языка делопроизводства.

3. Следует признать, что активизация развития института отбывания наказания в виде лишения свободы на белорусских территориях как в правовом, так и в организационном плане началась в последней четверти XVIII в. в связи с тремя разделами Речи Посполитой и присоединением к Российской империи с 1795 г. всех белорусских земель,

влиянием более систематизированного российского уголовного права, возникновением новых видов мест лишения свободы и началом строительства в белорусских городах тюрем-крепостей, выполняющих как военно-фортификационные, так и пенитенциарные функции на западной границе Российской империи.

Список источников

1. Лисин А. Г., Петренко Н. И., Яковлева Е. И. Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX веков : учеб. пособие. М. : Академия МВД России, 1996. 60 с.
2. Министерство внутренних дел 1802–1902 гг.: исторический очерк / сост. С. А. Андрианов. СПб. : Тип. МВД, 1901. 228 с.
3. Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. СПб. : Типография «Общественная польза», 1866. 551 с.
4. Кораблин К. К. Пенитенциарная система России: формирование и механизм функционирования тюремного ведомства на территории Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. Н. Новгород : Юрист, 2001. 205 с.
5. Бобруйская крепость: вчера, сегодня, завтра : библиогр. указ. / сост. С. В. Калюта, Т. Ф. Голубева. Бобруйск : Белblankавыд, 2012. Вып. 4. 299 с.

References

1. Lisin, A. G., Petrenko, N. I. & Jakovleva, E. I. 1996, *The prison system of the Russian state in the XVIII – early XX centuries: textbook*, Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.
2. Andrianov, S. A. (comp.) 1901, *Ministry of Internal Affairs 1802–1902: historical sketch*, St. Petersburg.
3. Kalmykov, P. D. 1866, *Textbook of criminal law. Parts General and Special*, St. Petersburg.
4. Korablin, K. K. 2001, *The penitentiary system of Russia: formation and mechanism of functioning of the prison department on the territory of the Far East in the second half of the XIX – early XX centuries*, Jurist, N. Novgorod.
5. Kaljuta, S. V. & Golubeva, T. F. 2012, *Bobruisk Fortress: yesterday, today, tomorrow: bibliographic index*, iss. 4, Belblankavyd, Bobruisk.

Информация об авторе

В. Е. Бурый – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела криминологических исследований.

Information about the author

V. E. Buryj – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Criminological Research Department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 09.08.2022; одобрена после рецензирования 28.09.2022; принята к публикации 13.02.2023.

The article was submitted 09.08.2022; approved after reviewing 28.09.2022; accepted for publication 13.02.2023.